

Научная статья
УДК 1(091)

СПОР В. Г. БЕЛИНСКОГО С Н. В. ГОГОЛЕМ: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА

Андрей Александрович Черных

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

SPIN: 7377-5708, ORCID: 0009-0003-9083-231X, deusdrus@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрена полемика литературного критика В.Г. Белинского и писателя Н. В. Гоголя, выступивших в ходе спора представителями философских направлений западничества и славянофильства соответственно. Подчеркнуто, что русская философия с XIX в. развивается в диалогических и полемических формах, а В. Г. Белинский и Н. В. Гоголь в связи со знаменитым письмом от 15 июля 1847 г. продолжают спор западников и славянофилов. Отмечается, что спор крупных литераторов по философским, социальным, антропологическим вопросам интересен сегодня не только как исторический факт, но и как актуальная полемика, в которой затронуты насущные проблемы, волнующие как все человечество, так и современное российское общество. При анализе спора двух мыслителей используются методы историко-философской реконструкции и реактуализации. В качестве исследовательской оптики выступает принцип партийности философии, помогающий классифицировать философские идеи мыслителей в парадигме материализм-идеализм и монизм-дуализм. В качестве источников и базы исследования выступают тексты В. Г. Белинского и Н. В. Гоголя, а также исследовательская литература по истории русской философии. Устанавливается, что В. Г. Белинский в ходе полемики отстаивает материалистические, светские, демократические, просветительские, прогрессивные идеи, в то время как Н. В. Гоголь выступает за идеалистические, религиозные, авторитарные, консервативные, косные идеи. Заключается, что позиция литературного критика в большей степени соответствует современному и будущему этапам развития человечества, в то время как взгляды писателя утратили актуальность еще при жизни их автора. Делается вывод, что идеи, высказанные мыслителями в ходе спора, помогают лучше понять сущность русской философской культуры и общественной жизни.

Ключевые слова: В. Г. Белинский, Н. В. Гоголь, история русской философии, западники и славянофилы.

Original article

V. G. BELINSKY VS N. V. GOGOL: A VIEW FROM THE TWENTY-FIRST CENTURY

Andrey A. Chernykh

St. Petersburg State University of Economics, St Petersburg, Russia

SPIN: 7377-5708, ORCID: 0009-0003-9083-231X, deusdrus@yandex.ru

Abstract. The polemics of literary critic V. G. Belinsky and writer N. V. Gogol, who in the course of the dispute acted as representatives of the philosophical trends of Westernism and Slavophilism respectively, are considered. It is emphasized that Russian philosophy since the XIX century has been developed in dialogical and polemical forms, and V. G. Belinsky and N. V. Gogol in connection with the famous letter of July 15, 1847 continue the dispute between Westerners and Slavophiles. It is noted that the dispute between major literary figures on philosophical, social and anthropological issues is interesting today not only as a historical fact, but also as a topical polemic, which touches upon urgent problems that concern both all mankind and modern Russian society. The methods of historical and philosophical reconstruction and reactualisation are used in the analysis of the dispute between the two thinkers. The research optics is the principle of partisanship of philosophy, which helps to classify the philosophical ideas of thinkers in the paradigm of materialism-idealism and monism-dualism. The texts of V. G. Belinsky and N. V. Gogol, as well as research literature on

the history of Russian philosophy serve as the sources and base of the study. It is established that V. G. Belinsky defends materialistic, secular, democratic, enlightenment, progressive ideas in the course of polemics, while N. V. Gogol advocates idealistic, religious, authoritarian, conservative, cosmic ideas. It is concluded that the position of the literary critic is more in line with the modern and future stages of human development, while the writer's views have lost their relevance even during the lifetime of their author. It is concluded that the ideas expressed by the thinkers during the dispute help to better understand the essence of Russian philosophical culture and social life.

Keywords: V. G. Belinsky, N. V. Gogol, History of Russian philosophy, Westerners and Slavophiles.

«Тут дело идет не о моей или вашей личности, но
о предмете, который гораздо выше не только меня,
но даже и вас: тут дело идет об истине...»

В.Г. Белинский. Письмо к Н.В. Гоголю
от 15 июля 1847 г.

Введение. Русская философия XIX в. имеет своей ключевой характеристикой не онтологизм или антропологизм, которые искусственно приписываются русской философии с претензией на некую ее оригинальность, даже эстетизм является не самой существенной ее чертой и тем более не может некая социальная направленность быть ее основным качеством. Вообще, стоит сказать, что специфика русской философии заключается не в предмете философствования и даже не в предпочтении того или иного раздела философии, а просто в формах диалога и полемики [Черных, 2025]. Современная русская философия (XIX–XX вв.) формируется в рамках диалога, быстро переходящего в спор между двумя философскими партиями. Эти партии, конечно, не являются национальным изобретением, но играют, возможно, несколько большую роль, чем во французской, английской или немецкой философиях.

Истории русской философии посвящено большое количество исследований [Галактионов, Никандров, 1970; Замалеев, 2010; Замалеев (ред.), 2003; Никоненко, 2014], однако нельзя считать, что тема спора между В. Г. Белинским и Н. В. Гоголем вполне изучена.

Анализ спора. Даже спустя более 175 лет критика В. Г. Белинским Н. В. Гоголя не утратила своей актуальности. Консервативные по духу «Выбранные места из переписки с друзьями» [Гоголь, 1990], написанные Гоголем после своих великих произведений, спровоцировали убежденного демократа Белинского на резкий и едкий ответ. Причем это ответ не только литературного критика, но и самого народа, недовольство которого выразилось в словах неистового Виссариона. Однако народ недоволен не лично Гоголем (которого он едва ли мог знать), а непрекращающимся угнетением, в то время как Белинский недоволен именно писателем, который сначала высмеивал пошлость, а позже примкнул к ней, отрекшись от своих демократических по духу сочинений (вероятно, не поняв их подлинного смысла). Другими словами, личности Белинского и Гоголя есть отражение всеобщего в единичном.

Однако уже в «Мертвых душах», которые Белинский вопреки мнению самого Гоголя считал романом, критик замечает «мистико-лирические выходки» [Белинский, 1948: 684]. Подобные «выходки», по Белинскому, есть результат того, что писатель сбился со своего демократического пути «ложными теориями и системами» [Белинский, 1948: 685]. Вероятно, подразумеваются те теории и системы, которые имеют в своей основе идею иерархического устройства общества и обоснования этих иерархий посредством аналогии с высшим, чем земной порядок. Позднему Гоголю такой порядок казался правильным, Белинский же высказывался против него.

Гоголь пишет, что он вследствие болезни обрел некую кротость и после этого стал отвечать на вопросы, которые к нему поступали от всевозможных знакомых. Белинский замечает, что в этом описании угадывается образ священника, критик иронично называет писателя папой римским; мы же заметим, что представленный образ напоминает скорее святого, главного героя жития, однако Гоголь говорит не о священнике, не о папе римском и даже не о святом, а о себе.

Затрагивая спор западников и славянофилов, Гоголь утверждает, что те и другие заблуждаются, то есть что в позиции тех и других есть только часть правды. Однако, как замечает Белинский, в этих

суждениях проявляется «патриархальная откровенность» писателя, поскольку, по мнению Гоголя, «правды больше на стороне славянофилов..., потому что они все-таки видят весь фасад и стало быть все-таки говорят о главном, а не о частях» [Белинский, 1948: 692]. Западники же, по Гоголю, хотя и могут рассмотреть здание детально, тем не менее видят только одну его часть, только одну сторону. Другими словами, не солидаризируясь со славянофилами полностью, Гоголь все-таки соглашается с ними по большей части. Однако все ли славянофилы единодушны между собой или же соглашаются друг с другом только в основном?

И действительно, Гоголь по образу мышления скорее славянофил, чем западник, а потому и правды больше видит у славянофилов, чем у западников. Весьма характерны для «славянофила» слова писателя о совершенствовании человеком своей собственной личности: «...и это вздор, что выпустили глупые светские умники, будто человеку только и возможно воспитать себя, покуда он в школе, а после уж и черты нельзя изменить в себе: только в *глупой светской башке* могла образоваться такая глупая мысль. Я уже от многих своих гадостей избавился» [Белинский, 1948: 694]. Чисто педагогическая сторона вопроса здесь не столь интересна – тем более что, по Гоголю, человек перевоспитывается «святой силой» – сколько любопытен вопрос о религиозном мировоззрении писателя и связи этого мировоззрения с консервативными политическими убеждениями.

Гоголь выступает против обучения мужика грамоте, поскольку это мужику не нужно, в то время как Белинский констатирует факт распространения грамотности среди простых людей и указывает, что стремление к учению отразилось даже в пословице «ученье – свет, а неученье – тьма». Критик упрекает писателя и близких ему по взглядам мыслителей за выдумывание качеств народа, которых у него нет, в то время как реальные качества народа они обходят стороной. Для человека XXI в. эта картина привычна: пока одни публичные люди говорят о реальных стремлениях народа, другие – восхваляют народ за чуждые ему качества.

Гоголь говорит много общих слов о России на манер философических писем П. Я. Чаадаева. Это, впрочем, является характерной чертой не только сочинений самого знаменитого русского «сумашедшего», но вообще характеризует целое направление в истории русской философии, берущее свое начало ни то от религиозных мыслителей первой половины XIX в., ни то от древнейших русских авторов вроде Нестора Летописца и Иллариона Киевского. Однако эта длительная традиция – после XIX в. продолжившаяся в эмигрантской философии XX в., а с 1990-х гг. до настоящего момента представленная современными евразийцами и сторонниками цивилизационного подхода – так и не приобрела тенденции к проведению *конкретных* исследований человеческого общества вообще и России в частности (исключения в виде чисто эмпирических исследований не свидетельствуют об обратном). Эта интеллектуальная традиция, предполагающая свое философское основание в некоей духовности, ни в лице Гоголя, ни в лице современных авторов не способна дать ответы на насущные вопросы российского общества, так как все действительно насущное подменяется в ней тем, что хотелось бы этим мыслителям видеть в роли насущного.

Этим можно объяснить следующие слова Белинского, в которых он объясняет причину своего негодования по поводу новой книги Гоголя: «...нельзя перенести оскорбленного чувства истины, человеческого достоинства; нельзя молчать, когда под покровом религии и защитою кнута проповедуют ложь и безнравственность как истину и добродетель» [Белинский, 1948: 707].

Белинский пишет Гоголю: «...вы глубоко знаете Россию только как художник, а не как мыслящий человек» [Белинский, 1948: 708]. В этих словах выражено не столько оскорбление, которое можно был бы здесь усмотреть, сколько характерное для Белинского деление литераторов на художников и критиков. Художники силой своего гения отражают действительность в художественных формах, даже если сами не вполне понимают, что они делают, в то время как критики обнаруживают это содержание в произведениях и растолковывают его. Об этом можно прочитать и у Ф. М. Достоевского [Достоевский, 1983: 30-31]. Очевидно, что Гоголь, будучи гениальным писателем, должен был придерживаться этого пути, пути писательства, а не претендовать на роль мыслителя и критика.

Однако, как указывает Белинский, Гоголь из своего «прекрасного далека» смотрит на Россию по-славянофильски – если опираться на приведенную Гоголем метафору о том, что славянофилы смотрят на Россию в целом, так как стоят далеко и могут охватить ее взглядом целиком, а западники стоят близко и потому видят хоть и отчетливо, но все же лишь одну часть целого. Полемика при помощи

метафор и аллегорий, конечно, имеет некоторые изъяны, тем не менее возражение Белинского Гоголю выглядит вполне убедительно. Критик говорит, что «ничего нет легче, как издалека видеть предметы такими, какими нам хочется их видеть» [Белинский, 1948: 708]. Из дальнейших слов Белинского ясно видно, что его спор с Гоголем есть спор материалиста с идеалистом, причем этот последний, по Белинскому, выдает желаемое за действительное, предполагая, что бытие мира основывается на идеальном (нематериальном) начале. Критик пишет, что «Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиэтизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди... не молитвы..., а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства..., права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью...» [Белинский, 1948: 708]. Иными словами, иррациональное в виде религиозной веры и ее проявлений в социальной сфере не может «спасти Россию», для этого нужно воплощение на практике гуманистических идей.

Любопытна мысль Белинского о религии и Христе, высказанная им в упрек Гоголю за оправдание крепостничества: «Что вы подобное учение опираете на православную церковь, это я еще понимаю: она всегда была опорою кнута и угодницей деспотизма, но Христа-то зачем вы примешали тут? Что вы нашли общего между ним и какою-нибудь, а тем более православною церковью? Он первый возвестил людям учение свободы, равенств и братства...» [Белинский, 1948: 709]. Вероятно, Белинский предполагает, что Иисус изначально мог быть исторической личностью, а потому, опираясь на его этику, критикует православную церковь, которая никогда не проповедовала равенства и свободы, а только служила оправданием иерархического устройства общества, в котором идея равенства не может воплотиться (даже идеологическое обоснование монаршей власти при помощи религии красноречиво говорит об этом факте). Различая церковные порядки и этику Христа, Белинский утверждает, что и простой народ это различие проводит: «...неужели же в самом деле вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа?» [Белинский, 1948: 710].

Более того, критик видит принципиальную разницу не только между церковью и Христом – в отличие от религиозных мыслителей, которые стремятся отождествить церковь и тело христово – он идет дальше, говоря о мнимой религиозности русского народа: «По-вашему, русский народ самый религиозный в мире: ложь! Основы религиозности есть пиэтизм, благоговение, страх божий. А русский человек произносит имя божие, почесывая себя кое-где» [Белинский, 1948: 710]. И еще в этом же месте: «...это по натуре глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности» [Белинский, 1948: 710]. Стоит признать, что сегодня в этих словах даже больше правды, чем в 1847 г. Однако что касается середины XIX в., то надо заметить, что сама по себе этика христианства при определенном прочтении действительно может быть интерпретирована в чисто светском ключе. Разумеется, это было бы в некоторой степени искажением, однако вообще трудно найти такую трактовку христианской этики, которая не имела бы подобного изъяна.

Белинский утверждает, что у русского народа слишком много здравого смысла, чтобы впадать в религиозность, а суеверие, которое еще сохраняется, станет пережитком прошлого с развитием цивилизации. Сама религиозность, по Белинскому, вполне может сохраняться и при высоком развитии общества: об этом мы можем судить сегодня, если взглянем на США или ряд Европейских стран, в которых религия и в XXI в. сохраняет большое значение в мировоззрении людей.

Возражая Гоголю, критик пишет: «Русский народ не таков; мистическая экзальтация не в его натуре; у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме, и вот в этом-то, может быть, огромность исторических судеб его в будущем (курсив мой. – А. Ч.)» [Белинский, 1948: 710]. Читатель с перспективы XXI в. не может не задуматься о предсказательном смысле этих слов (без лишней мистификации на тему пророчества), поскольку русский народ в 1917 г. действительно сыграл большую освободительную роль в развитии всего человечества, о чем, к сожалению, мог только грезить Белинский.

Выражая недовольство «Выбранными местами из переписки с друзьями» Гоголя, Белинский упрекает писателя за отступление от тех гуманных ценностей, которые писатель ранее отстаивал в своих уже ставших классическими произведениях «Ревизор» и «Мертвые души». Здесь стоит вспомнить о М. А. Лифшице, спустя столетие сформулировавшего идею, что гениальность мыслителя или

писателя может граничить с реакционностью или отсталостью его убеждений [Лифшиц, 2013; Лифшиц, 1986: 4–56]. Вполне вероятно, что Гоголь, будучи гениальным писателем, стал автором бессмертных произведений не благодаря своим взглядам, а скорее вопреки им. Но у Белинского это вызывает недоумение и возмущение: как гениальный писатель, отстаивающий правду, может стать поборником лжи.

Белинский не может примириться с подобной мыслью, поскольку «публика… видит в русских писателях своих единственных вождей, защитников и спасителей от русского самодержавия, православия и народности и потому, всегда готовая простить писателю плохую книгу, никогда не простит ему зловредной книги» [Белинский, 1948: 712–713]. Критик объясняет такое высокое значение писателя в обществе не тем, что само по себе писательство имеет такой статус, а тем, что только в литературе возможны жизнь и движение вперед, чего нельзя сказать об иных сферах общества России середины XIX в.

Гоголь, бывший в прошлом крупным русским писателем, стал к середине века посредственным мыслителем, автором «Выбранных мест из переписки с друзьями». Это падение, по Белинскому, стало следствием не озарения и просветления, как говорит об этом сам Гоголь, а всего лишь результатом неверного понимания России и ее народа, читающей публики и даже христианства. Белинский пишет: «…вы не поняли ни духа, ни формы христианства нашего времени. Не истиной христианского учения, а болезненною боязнью смерти, чорта и ада веет от вашей книги!» [Белинский, 1948: 713]. И действительно, если Гоголь не торопится с написанием и изданием второго тома «Мертвых душ», так как – как он сам это объясняет – ему нужно сначала избавиться от своих недостатков, чтобы описать совершение своеего героя (иначе описанное будет неправдоподобно), то кажется удивительным, почему он поторопился с написанием и изданием другой книги. Ведь сегодня ее вспоминают разве что в контексте спора с Белинским, потому как в ином контексте, то есть чисто художественно или философски она интереса не представляет. У этого должно быть объяснение, которое, вероятно, Белинский и назвал.

«Смиренномудрый советодатель» (так Белинский иронично называет Гоголя за его произведение), пытаясь выражаться по-библейски, как это замечает Белинский, изменяет своему таланту. Критик пишет: «Какая эта великая истина, что, когда человек весь отдается лжи, его оставляет ум и талант» [Белинский, 1948: 713]. Причем Белинский замечает, что измена своему таланту идет рука об руку с лицемерием, в частности, Гоголя он укоряет за его намерение совершить паломничество в Иерусалим, поскольку «в Иерусалиме ищут Христа только люди, или никогда не носившие его в груди своей, или потерявшие его» [Белинский, 1948: 713]. И здесь же критик проговаривает истину, которая в том или ином виде будет встречаться у всех по-настоящему демократически мыслящих людей: «Кто способен страдать при виде чужого страдания, кому тяжко зреши угнетения чуждых ему людей, тот носит Христа в груди своей и тому незачем ходить пешком в Иерусалим» [Белинский, 1948: 713].

Белинский, тяжело переживая падение Гоголя как писателя и как человека, отмечает, что смысл его письма и более ранних рецензий не в личном споре между двумя людьми различных взглядов, а в более существенных и важных вещах: «Тут дело идет не о моей или вашей личности, но о предмете, который гораздо выше не только меня, но даже и вас: тут дело идет об истине, о русском обществе, о России» [Белинский, 1948: 715].

Гоголь, отдавая предпочтение оправданию крепостничества и самодержавия, а также славяно-фильским настроениям (надо оговориться, что славянофилы лишь формально выступали против крепостного права: они отстаивали принципы сословной иерархии по существу, тем самым выступая на стороне самого основания крепостничества по сущности), пренебрег гуманистическими и демократическими ценностями, пренебрег, следовательно, человечностью. Белинский же, знавший Гоголя прежде всего как автора «Ревизора» и «Мертвых душ», как писателя, который обличает текущее устройство России, глубоко разочаровался в нем.

Заключение. Гоголь вместо действительной морали выбрал лишь ритуалы, подразумевающие ее, но утратившие собственно этическое содержание. Выражаясь словами К. Маркса, следует сказать, что Гоголь сделал выбор в пользу превращенной формы морали, отказавшись от самой морали. Но личные отношения двух литераторов сегодня не слишком интересны. Белинский и Гоголь – всего лишь люди, ставшие эпизодом интеллектуальной истории человечества, однако в их идеях выражено

нечто большее, чем их личности. Если Гоголь стал выразителем консерватизма, религиозности и крепостничества, то Белинский – демократизма, просвещения и свободы. Оба автора представляют собой такие *единичные*, в которых выражено *всеобщее*, но если идеи позднего Гоголя преходящи, то идеи Белинского даже в XXI в. остаются актуальными.

Список источников

- Белинский, В. Г.** Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя // Белинский, В. Г. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 3. 1948. М.: Государственное издательство художественной литературы. С. 687–706.
- Белинский, В. Г.** Письмо Гоголю // Белинский, В. Г. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 3. 1948, М.: Государственное издательство художественной литературы. С. 707–715.
- Белинский, В. Г.** Похождения Чичикова, или Мертвые души // Белинский, В. Г. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 3. 1948, М.: Государственное издательство художественной литературы. С. 684–686.
- Галактионов, А. А., Никандров, П. Ф.** Русская философия XI–XIX веков. Л.: Наука, 1970. 652 с.
- Гоголь, Н. В.** Выбранные места из переписки с друзьями. М.: Советская Россия, 1990. 432 с.
- Достоевский, Ф. М.** Дневник писателя за 1877 г. Январь // Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 25. Л.: Наука, 1983. С. 5–36.
- Замалеев, А.Ф.** Самосознание России: Исследования по русской философии, политологии и культуре / А. Ф. Замалеев. СПб.: Наука, 2010. 552 с.
- Летопись русской философии. 862–2002 / Редактор-составитель Александр Замалеев. СПб.: Летний сад, 2003. 352 с.
- Лифшиц, М. А.** Джамбаттиста Вико // Лифшиц, М. А. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 2. М.: Изобраз. искусство, 1986. С. 4–56.
- Лифшиц, М. А.** Проблема Достоевского (Разговор с чертом) / М. А. Лившиц. М.: Академический Проект; Культура, 2013. 267 с.
- Никоненко, В. С.** Труды по русской философии и литературе / В. С. Никоненко. СПб.: Изд-во РХГА, 2014. 534 с.
- Черных, А. А.** Антропологический принцип в русской философии / А. А. Черных. СПб.: СПбГЭУ, 2025. 247 с.

References

- Belinsky, V. G. (1948) Pismo Gogolyu [Letter to Gogol]. *Belinsky, V. G. Sobranie sochineniy* [Collected Works]. In 3 vol. Vol. 3. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury: 707–715. (In Russ.)

- Belinsky, V. G. (1948) Pokhozhdeniya Chichikova, ili Mertvye dushi [The adventures of Chichikov, or Dead Souls]. *Belinsky, V.G. Sobranie sochineniy* [Collected Works]. In 3 vol. Vol. 3. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury: 684–686. (In Russ.)
- Belinsky, V. G. (1948) Vybrannye mesta iz perepiski s druz'yami Nikolaya Gogolya [Selected passages from the correspondence with friends of Nikolai Gogol]. *Belinsky, V. G. Sobranie sochineniy* [Collected Works]. In 3 vol. Vol. 3. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury: 687–706. (In Russ.)
- Chernykh, A. A. (2025) *Antropologicheskiy printsip v russkoy filosofii* [Anthropological principle in Russian philosophy]. St Petersburg: SPbGEU: 247. (In Russ.)
- Dostoevsky, F. M. (1983) Dnevnik pisatelya za 1877 g. Yanvar' [Writer's diary for 1877. January]. *Dostoevsky, F.M. Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. In 30 vol. Vol. 25. Leningrad: Nauka: 5–36. (In Russ.)
- Galaktionov, A. A., Nikandrov, P. F. (1970) *Russkaya filosofiya XI–XIX vekov* [Russian philosophy from the eleventh to the nineteenth centuries]. Leningrad: Nauka: 652. (In Russ.)
- Gogol, N. V. (1990) *Vybrannye mesta iz perepiski s druz'yami* [Selected passages from the correspondence with friends]. Moscow: Sovetskaya Rossiya: 432. (In Russ.)
- Letopis' russkoy filosofii, 862–2002* [Chronicle of Russian philosophy, 862–2002]. Editor-compilator Aleksandr Zamaleev (2003). St. Petersburg: Letniy sad: 352. (In Russ.)
- Lifshits, M. A. (1986) Dzhambattista Viko [Giambattista Vico]. *Lifshits, M. A. Sobranie sochineniy*. In 3 vol. Vol. 2. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo: 4–56. (In Russ.)
- Lifshits, M. A. (2013) *Problema Dostoevskogo (Razgovor s chertom)* [The problem of Dostoevsky (Conversation with the devil)]. Moscow: Akademicheskiy Proekt; Kul'tura: 267. (In Russ.)
- Nikonenko, V. S. (2014) *Trudy po russkoy filosofii i literature* [Works on Russian philosophy and literature]. St Petersburg: Izd-vo RKHGA: 534. (In Russ.)
- Zamaleev, A. F. (2010) *Samosoznanie Rossii: Issledovaniya po russkoy filosofii, politologii i kulture* [Self-consciousness of Russia: Studies in Russian philosophy, political science and culture]. St Petersburg: Nauka: 552. (In Russ.)

© Черных А.А., 2025

Информация об авторе:

Андрей Александрович Черных – кандидат философских наук, ассистент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, Санкт-Петербург, Россия, 191023. Автор более 20 научных публикаций, в том числе 1 монографии. Сфера научных интересов: история русской философии.

Вклад автора: разработка концепции, проведение исследования, подготовка и редактирование текста, утверждение окончательного варианта. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 17.05.2025; принятая после рецензирования 03.07.2025; опубликована онлайн 30.07.2025.

Information about the author:

Andrey A. Chernykh – Cand. of Philosophy, Assistant of the Department of Social Sciences, St. Petersburg State University of Economics, 30-32 Griboedova Canal Embankment, St. Petersburg, Russia, 191023. Author of more than 20 scientific publications, including 1 monograph. Research interests: history of Russian philosophy.

Author's contribution: conceptualisation, research, drafting and editing of the text, approval of the final version. No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 17.05.2025; adopted after review 03.07.2025; published online 30.07.2025.